

Ахмадуллина Лейсан Ядгаровна

**«МАДЖМАГ АЛЬ-АДАБ»
(«СБОРНИК БЛАГОПРИСТОЙНОСТЕЙ»)
ХИБАТУЛЛЫ САЛИХОВА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕТЮРКСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ**

Специальность: 10.01.02 – Литература
народов Российской Федерации (Литература народов Поволжья)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена в Отделе литератур народов РФ и СНГ
Федерального Государственного бюджетного учреждения
«Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук»

Научный руководитель: Сибгатуллина Альфина Тагировна,
доктор филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты:

Исламов Рамил Фанавиевич, доктор филологических наук, научный сотрудник отдела текстологии структурного подразделения «Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова» ГБНУ «Академия наук Республики Татарстан»

Надергулов Минлегали Хусаинович, доктор филологических наук, заведующий отделом литературоведения ФГБУН «Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН»

Ведущая организация: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

Защита диссертации состоится «7» июня 2017 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 002.209.04 по филологическим наукам в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН, по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН и на сайте ИМЛИ по адресу:
<http://www.imli.ru/index.php/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04-o/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04/2280-akhmadullina-lejsan-yadgarovna>

Автореферат разослан «___» _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

С. П. Сорокина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Тесная взаимосвязь тюркской литературы с классической литературой мусульманского Востока обусловлена общими закономерностями социально-исторического развития народов этих регионов. Одной из важных задач современного национального литературоведения является обращение к дореволюционным текстам с целью определить общетюркские культурно-литературные процессы, воссоздать преемственность литературных традиций. В рамках данной диссертационной работы проводится анализ творчества одного из ярких представителей Волго-Уральского региона первой половины XIX века Хибатуллы бин Саидбаттала аль-Каргалы, более известного как Хибатулла Салихов (1794–1867). Его творческое наследие очень ценно и информативно с позиции понимания литературных и внелитературных процессов в татаро-башкирском обществе XIX столетия. Исследуемый в диссертации трактат «Маджмаг аль-адаб» («Сборник благопристойностей») представляется очень показательным с точки зрения превносимых из восточной поэтики идей и образов, творческой обработки и развития тюркской и арабо-мусульманской традиций. Трактат, который был закончен в 1839 г. и впервые опубликован в 1856 г. в Казани, снискал большую популярность и позже неоднократно переиздавался. Даже сегодня в библиотеках и личных архивах организаций и населения Татарстана и Башкортостана указанное сочинение встречается довольно часто. Все вышеперечисленное свидетельствует о важности, увлекательности, актуальности поднятых Хибатуллой Салиховым проблем. К сожалению, трактат, общий объем которого составляет около ста страниц, не был полностью транслитерирован и переведен на современный татарский, башкирский или русский языки. Кроме того, до настоящего времени творчество Х. Салихова не стало объектом отдельного монографического исследования, хотя существуют достаточно серьезные аналитические работы, связанные с его творчеством.

Степень изученности темы и проблемы. Идеи, поэтическое мастерство и жизненные искания Х. Салихова привлекали многих исследователей, в том числе и его современников. В исторических и биографо-библиографических сочинениях Р. Фахретдинова, Ш. Марджани, Г. Чокрый, М. Рамзи и других ученых, историков и литературоведов можно найти краткие описания жизнедеятельности и творчества Х. Салихова. Одним из первых письменные свидетельства о нем оставил поэт и просветитель Гали Чокрый (1826–1889) в своей книге «Таварихи Болгария, йаки Такриби Гари» («История Булгарии, или Комментарий Гари», 1879 г.)¹. В ней автор отзывается о Х. Салихове как о «видном ученом-богослове», написавшем много книг, среди которых особо выделяются «Маджмаг аль-адаб», «Тухфат аль-авляд» («Подарок детям»), «Дурр аль-калям» («Жемчужины слов»), элегия (марсия) на смерть своего шейха². Видный ученый-богослов XIX в. Ш. Марджани (1818–1889), упоминая о поэте в своем выдающемся труде «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Собрание полезных сведений о делах Казани и Булгара», 1885), сообщил, что Хибатулла ишан аль-Каргалы является имам-хатибом (проповедником), мударрисом (учителем) в мечети села Каргалы и праведным, достойным человеком, последователем накшбандийского тариката. Ученый отзывался о «Маджмаг аль-адабе» как о произведении, содержащем проповеди и наставления «с хорошим смыслом и правильным содержанием»³. Информация схожего содержания приведена в историческом труде «Тальфик аль-ахбар ва тальких аль-асар фи вакаи Казан ва Булгар ва мулюк ат-татар» («Собрание сведений из прошлых событий Казани, Булгара и татарских царей», 1908) Мухаммада Мурада Рамзи (1855–1934)⁴.

Среди исследователей первого поколения, упоминавших Х. Салихова, особой полнотой приведенных о нем сведений выделяется Ризаэтдин

¹ Чокрый Г. Таварих-и Болгарийа / ЛО ИВ АН СССР, отдел рукописей, рукопись В. 2662, 49.

² Упомянутые сведения даются в переводе М. Надергулова в книге «Историко-функциональные жанры башкирской литературы». – Уфа: Китап, 2002. – С. 119.

³ Марджани Ш. Мостафад эл-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар, II китап. – Казан, 1900. – Б. 272.

⁴ Рамзи М. М. Тальфик аль-ахбар ва тальких аль-асар фи вакаи Казан ва Булгар ва мулюк ат-татар : Аль-муджаллад ас-сани. – Оренбург, 1908. – С. 475.

Фахретдинов (1859–1936). В многотомном биографо-библиографическом труде «Асар» (1908) автор после биографических сведений о Х. Салихове приложил неопубликованное до этого стихотворение «Душа в теле» и письмо к учителю из деревни Сосна Зияутдину б. Таджетдину аль-Иштиряки. Творчество Х. Салихова также привлекло внимание русского этнографа Н. А. Лоссиевского. В историко-этнографическом очерке «Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам» (1883) ученый назвал его «сатириком»⁵.

Более развернутый анализ сочинений Х. Салихова был произведен в трудах исследователей советского периода. Во втором томе «Истории татарской литературы» (1922) Г. Газиза и Р. Рахима его творчеству посвящена отдельная глава. Авторами указанного труда было, в частности, отмечено, что Хибатулла является «хорошим лирическим» и «сильным поэтом с широким охватом жизненного материала» («иркен каләмле кечле назим») ⁶. М. Х. Гайнуллин впервые включил в вузовский учебник-хрестоматию по татарской литературе (1957) отдельную статью о Х. Салихове и привел в ней отдельные эпизоды из «Маджмаг аль-адаб», а также стихотворение с суфийским содержанием «Душа в теле»⁷.

На суфийское содержание произведений поэта в своих трудах обращали внимание также А. Харисов и Г. Хусаинов. Так, указывая на правдивость изображения жизни, социальную остроту стихов Х. Салихова, А. Харисов отметил использование автором метода реализма, называя это «смелым направлением и трезвым взглядом творчества суфийского поэта, несовместимым с суфизмом»⁸. Параллельное присутствие в творчестве Х. Салихова суфийской тематики, полной символизма, эзотерики, таинственности, потусторонности, и острой социальной проблематики поставило перед исследователями вопрос соотношения суфийского романтизма

⁵ Лоссиевский М. В. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам // Справочная книжка Уфимской губернии. – Уфа, 1883. – Отдел V. – С. 376.

⁶ Рәхим Г. Татар әдәбияты тарихы: Борынғы дәвер / Г. Рәхим, Г. Газиз. – Казан: Татарстан жәмһүриятенен дәүләт нәшр., 1922. – Б. 162–164.

⁷ Гайнуллин М. Х. Татар әдәбияты: XIX йөз : Югары уку йортлары өчен. – Казан: Таткитнәшр. 1957. – Бб. 49–62.

⁸ Харисов А. Башкорт халкының әзаби мирасы. – Өфө: Китап, 2014. – Б. 321.

и реализма. Об этой особенности творчества поэта Г. Б. Хусаинов высказался следующим образом: «Сколько бы он ни цеплялся за суфийскую литературу, суфийскую идеологию, вот эти поэтические образцы, демократические элементы вывели его на более широкую сферу и сделали его имя популярным в народе»⁹.

Ш. Садретдинов и Х. Миннегулов указали на общие черты в творчестве поэтов-современников Х. Салихова, А. Каргалы и Ш. Заки¹⁰. Характеризуя «Маджмаг аль-адаб», исследователи признали, что размышления поэта на тему воспитания и нравственности выводят его к проблемам личности и окружения человека, что, в свою очередь, указывает на зарождение принципов реализма¹¹. М. Гайнутдинов творчество и личность Х. Салихова анализирует в несколько отличном от других исследователей ключе, называя его «колоритной фигурой» абьзовского движения¹², признавая, что «публицистическая конкретность, страстность, демократические идеалы, гуманизм сделали его стихи новым действенным достижением в возрождении, обновлении литературы в XIX веке»¹³.

Ф. Яхин называет Х. Салихова создателем отдельной литературной школы элегий, а сборник «Дурр аль-калям» — наглядным образцом доказывающим наличие такой школы. «Элегическая татарская поэзия (т. е. татарская поэзия, относящихся к периоду распространения произведений жанра «марсия-элегия» и «мадхия-восхваление») первой половины XIX века появилась под влиянием Х. Салихова. Таким образом, опираясь на традиции Утыз-Имяни, он создал собственную литературную школу. Под влиянием Х.

⁹ Шәрипова З. Я. Башкорт эзэби фекере. – Өфө: Филем, 2008. – Б. 216.

¹⁰ Эдәбият (Борынгы һәм Урта гасыр, XIX йөз татар әдәбияты) : Татар гомуми белем бирү мәкт. һәм гимназияләренң 9нчы сыйныфы, урта махсус уку йортлары, педагогия училищелары, колледж һәм лицей укучылары өчен д-лек / Х. Й. Миңнегулов, Ш.А. Садретдинов. – Өченче басма. – Казан: Мәгариф, 2005. – Бб. 259–260.

¹¹ Там же. – С. 254.

¹² «Абызовским» М. Гайнутдинов называет общественно-политическое и религиозное движение, инициированное после создания Оренбургского Магометанского Духовного Соборания (1789) и по большей части ставшее результатом неприятия данного события частью местного населения, по его мнению, и было представлено народными поэтами-муллами. См. подробнее Гайнутдинов М.В. Татарская литература XIX века (Идейно-художественный генезис и исторические судьбы) : дис. в виде научн. доклада докт. филол. наук : 10.01.02 : утв. 15.12.00 / Гайнутдинов Масгут Валиахметович; ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. – Казань, 2000. – С. 44.

¹³ Там же. – С. 59.

Салихова оказался и Шамсетдин Заки»¹⁴. Эта мысль высказана и башкирским литературоведом Г. Хусаиновым, который считал, что поэты села Каргалы составляли единую поэтическую школу¹⁵.

Более детально творчество Х. Салихова было описано в академических шеститомных изданиях историй татарской и башкирской литератур, вышедших соответственно в Казани и Уфе. Следует особо подчеркнуть заслугу З. Я. Шариповой, в результате целенаправленных исследований которой были обнаружены доселе неизвестные произведения Х. Салихова, выявлено большое количество списков уже известных сочинений в составе рукописных сборников, «конволют в шакирдовских тетрадах»¹⁶. Влияние суфийской идеологии на поэзию Х. Салихова была отражена в одной из частей диссертации З. Я. Шариповой «Становление башкирской литературной мысли» (2005). По мнению ученой, «многие вопросы, затронутые в “Маджмаг аль-адаб” и в позже написанной “Рисаля ад-дохан”, имеют под собой реальную почву и отражают социальную и нравственную стороны жизни башкирского общества кантонного периода»¹⁷. З. Шарипова утверждает, что «Маджмаг аль-адаб» был одним из самых популярных и распространенных произведений XIX столетия, а Х. Салихов выступил в нем как гуманный педагог, воспитатель масс»¹⁸.

Ряд исследователей обратил внимание на открытую и смелую критику в «Маджмаг аль-адабе» социальной несправедливости в обществе. На манифестационно-медиативный характер творчества Х. Салихова, в котором «отчетливо звучат мотивы недовольства общественной жизнью, построенной на несправедливых началах», акцентировали внимание Г. Кунафин¹⁹ и

¹⁴ Яхин Ф. З. Әдәбият укыганда. Фәнни тикшеренүләр. – Казан: Сүз, 2014. – Б. 42.

¹⁵ Хөсәйенов Ғ. Мөхәммәтсәлим Өмөтбаев: тарихи-биографик китап: – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1991. – Б. 239.

¹⁶ Шарипова З. Я. Пером и словом : [История развития башк. письм. поэзии в XIX в.]. – Уфа: Китап, 1993. – С. 164.

¹⁷ Там же. – С. 175.

¹⁸ Шарипова З. Я. Пером и словом. – С. 154–204.

¹⁹ Кунафин Г. С. Поэтическое эхо прошлого: развитие жанровой системы башкирской манифестационно-публицистической и нарративной поэзии. – Уфа : Китап, 2004. – С. 57.

А. Сибгатуллина. По мнению последней, Х. Салихов «достигает большой силы обобщения в обличении корыстолюбия, алчности начальников всех мастей»²⁰.

За столетнюю историю изучения творчества Х. Салихова была проделана довольно объемная работа по обнаружению его произведений, отмечены спорные вопросы, представлены некоторые характерные черты его поэзии и в отдельности трактата «Маджмаг аль-адаб». Литературоведы подтверждают тот факт, что Хибатулла Салихов является одной из самых значимых фигур татарской и башкирской литературы первой половины XIX века. Однако многообразное поэтическое наследие Хибатуллы Салихова еще далеко от полного и всестороннего изучения. Прежде всего, это выражается в том, что до настоящего времени не были изданы в современной графике тексты его произведений, к тому же не написано ни одной научной монографии, специально посвященной его жизни и творчеству. Также серьезного пересмотра и уточнения требуют отдельные факты его биографии. Кроме того, творчество Х. Салихова недостаточно изучено в контексте связи с арабо-мусульманскими и общетюркскими литературными традициями предыдущих поколений и современников. Все это позволяет сделать вывод о том, что изучение творчества видного мыслителя и поэта татарского и башкирского народов Х. Салихова и сегодня сохраняет свою **актуальность** и требует комплексного исследования. Особенно значимо сконцентрировавшее в себе его основные гуманистические этические, эстетические, социальные взгляды и мысли сочинение «Маджмаг аль-адаб», которое все еще остается недоступной для широкого круга читателей. Настоящая диссертация призвана восполнить данный пробел и проанализировать мировоззрение Х. Салихова, основываясь непосредственно на текст произведения. **Целью** исследования является изучение трактата Х. Салихова «Маджмаг аль-адаб» в контексте общетюркских литературных традиций. Из этого вытекает очевидная необходимость рассмотреть не только тюркские литературные традиции, но и традиции

²⁰ Сибгатуллина А. Т. В поисках человека (концепция личности в татарской поэзии XIX века). – Елабуга, Изд-во ЕГПИ, 2001. – С. 81.

мусульманского Востока, поскольку их взаимосвязь и взаимовлияние неоспоримы. Достижению данной цели способствует решение следующих задач:

1. Собрать из различных источников и обобщить имеющиеся биографические сведения о Х. Салихове, выявить основные характерные черты его творчества, определить место и роль сочинения «Маджмаг аль-адаб» Х. Салихова в литературном процессе Волго-Уральского региона в XIX веке.

2. Определить жанровые особенности и художественное своеобразие трактата «Маджмаг аль-адаб».

3. Установить виды интертекстуальной связи между трактатом и иными произведениями средневековых тюркских и арабо-персидских литераторов.

4. Проанализировать идейно-тематическое содержание трактата «Маджмаг аль-адаб».

Объектом исследования является текст трактата Х. Салихова «Маджмаг аль-адаб», который был издан в Казани в 1900 году в арабской графике.

Предмет исследования – влияние общетюркских и восточных литературных традиций на трактат «Маджмаг аль-адаб».

На защиту выносятся следующие положения:

1. Личность и творческое наследие Хибатуллы Салихова одинаково значимы как для татарского, так и для башкирского народов. Биографические сведения поэта и основные мотивы его творчества подтверждают его принадлежность обоим родственным народам, и мы считаем, что Хибатулла Салихов был настоящим глашатаем социальных и этических воззрений своего времени для всего Волго-Уральского региона.

2. Творческое наследие Хибатуллы Салихова отражает всю сложность литературных процессов Волго-Уральского региона первой половины XIX в. Трактат Х. Салихова «Маджмаг аль-адаб» является вершиной философской и художественной мысли поэта, воплощением его разнообразных творческих идей, результатом глубокого осмысления проблем общественной жизни региона. Это самое известное и распространенное произведение автора. На

протяжении целого века оно занимало видное место в духовной и социальной жизни татарского и башкирского народов и сыграло важную роль в деле просвещения и интеллектуального развития общества. Также творческое наследие Хибатуллы Салихова оказало серьезное влияние на литературную деятельность татарских и башкирских авторов последующих поколений.

3. Художественно-эстетическое своеобразие творчества Х. Салихова было определено системой его религиозных взглядов. Поэтому в «Маджмаг аль-адаб» автор так часто прибегает к мусульманским источникам. В структурном построении своего произведения он использует поэтику, литературные традиции восточных мусульманских народов. Для его общественно-политических воззрений характерны оригинальные черты, которые автор вносит в идейно-тематическое содержание своего произведения. Во многом это объясняется тем, что его духовным наставником был Давлетшах бин Гадельшах – известный в регионе суфийский шейх, а поэтическому искусству поэт учился у классиков мусульманского Востока.

4. Популярность в народе трактата «Маджмаг аль-адаб» доказывает мастерство поэтического слова Х. Салихова, актуальность поднимаемых им тем, а также справедливость предлагаемых решений социальных вопросов современного ему общества. Демократичность языка, деликатное исполнение миссии назидания и удачные поэтические приемы способствовали легкому восприятию произведения читателями.

Научная новизна. Трактат Х. Салихова «Маджмаг аль-адаб» впервые становится предметом специального монографического исследования. В диссертации собраны все доступные и известные ранее биографические и источниковедческие сведения о Х. Салихове и его произведениях. Проведен анализ трактата «Маджмаг аль-адаб» и обозначена роль Хибатуллы Салихова в литературном процессе Волго-Уральского региона в XIX в. Впервые выявлены и представлены факты конкретного влияния на творчество Х. Салихова выдающихся поэтов Востока, а также указаны методы и формы творческого заимствования, определены основные источники интертекстуальных

включений, охарактеризовано жанровое и художественное своеобразие произведения, описаны особенности социальных взглядов самого автора. Благодаря выявлению границ влияния традиций стало возможным выявить оригинальный вклад непосредственно самого Х. Салихова в развитие литературных процессов, характерных для своего региона в обозначенный исторический период.

Для работы над материалом потребовалось сделать транслитерацию всего текста трактата, а также перевести ряд его фрагментов на русский язык.

Теоретической основой настоящей диссертационной работы послужили труды Н. И. Конрада, М. М. Бахтина, А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского, А. Б. Куделина, М. Х. Миннегулова, Г. Б. Хусаинова, М.Х. Надергулова, Р. Н. Баимова и других. В ходе работы были использованы интертекстуальный, культурно-исторический и сравнительно-исторический **методы**.

Научно-практическая ценность работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в разработке учебных программ, подготовке лекций, семинаров по истории татарской и башкирской литературы первой половины XIX века, для формирования спецкурсов, посвященных творчеству и личности Хибатуллы Салихова, а также для научной работы по сравнительному литературоведению и межлитературным контактам.

Апробация работы. Многие положения и результаты исследования были представлены в виде докладов на VII Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы филологии народов Поволжья» (МПГУ, 2013), научной конференции ИМЛИ РАН им. М. Горького «Поэтика, история литературы, текстология в контексте культурной динамики» (2013), Международной научно-практической конференции в МПГУ «Творческая история произведения как историко-литературная и теоретическая проблема: фольклорный, биографический, социокультурный, текстологический аспекты» (2016). Всего опубликовано пять статей в разных научных сборниках и журналах, четыре из которых рекомендованы Высшей аттестационной комиссией РФ. Это были публикации: в международном научно-

периодическом журнале «Мир науки, культуры, образования»; сборнике научно-теоретических статей «Исламоведение»; научном журнале «Проблемы востоковедения»; научном журнале «Филологические науки. Вопросы теории и практики».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии. Объем диссертации составляет 195 страниц печатного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дано обоснование выбора темы исследования, определена ее актуальность, раскрыт современный уровень изученности темы, обозначены проблемы, объект и предмет исследования, цель и задачи, научная новизна, теоретическая основа и научно-практическая значимость работы, предложены положения, выносимые на защиту.

Первая глава диссертации, которая состоит из трех параграфов, называется «**Место и роль сочинения “Маджмаг аль-адаб” Х. Салихова в литературном процессе Волго-Уральского региона XIX в.**».

В первом параграфе, посвященном «**Жизни и творчеству Хибатуллы Салихова**», представлены собранные из различных источников сведения о биографии и творчестве Х. Салихова, а также основные характерные черты его произведений. Утверждается, что творчество поэта отразило период переходности культурно-литературных процессов от средневековой типологической литературы к литературе нового времени. В первую очередь, это проявилось в наполнении традиционных поэтических структур новым содержанием, новыми идеями, новыми методами и т. д.

На сегодняшний день исследователями установлено авторство примерно десяти лирических и лирико-эпических произведений Х. Салихова, каждое из которых нашло свое достойное место в татарской и башкирской литературах и в народной памяти. К сожалению, часть творческого наследия поэта была

утеряна²¹. В стихотворениях «Душа в теле», «Беспечно прошла жизнь моя...», ставших классикой, автор выступает в качестве суфийского наставника, призывающего к ведению праведного образа жизни на земле ради достижения рая в вечной жизни. Дидактические произведения «Жемчужины слов», «Подарок детям» в стихотворной форме излагают основные этические нормы ислама. Несмотря на соответствие традиционным канонам жанра, марсия-элегия на смерть суфийского наставника Давлетшаха бин Гадельшах привлекает внимание читателя и к таким актуальным вопросам своего времени, как невежество, распространенное среди учителей, нежелание народа отвечать на призывы к благу. Неизданный и хранящийся лишь в рукописном варианте «Трактат о табаке», на наш взгляд, представляет собой своеобразное переложение книги на арабском языке «Маджалис аль-абрар» османского автора Ахмада ар-Руми аль-Ханафи (ум. в 1632 г.). В трактате приведены доводы из различных источников относительно табакокурения и его вреда с точки зрения религии и этики. Каждое произведение Х. Салихова отражает историческую обстановку и отвечает этико-эстетическим и формальным требованиям, предъявляемым литературными традициями своей эпохи. Наиболее популярным и, пожалуй, самым важным и зрелым произведением автора, воплотившим все его философские, социальные взгляды, является религиозно-дидактический трактат «Маджмаг аль-адаб».

Во втором параграфе «Влияние произведений Х. Салихова на творчество татарских и башкирских поэтов» рассматривается место Хибатуллы Салихова в литературном процессе Волго-Уральского региона XIX-нач. XX вв. Являясь связующим звеном, своеобразным мостом между средневековьем и литературой нового времени, творчество Х. Салихова внесло заметный вклад в укрепление в литературе гуманистических идей, этических устоев древнетюркской поэзии и послужило важным звеном в заложении в обществе основ новой просветительской идеологии. В утверждении главенства разума, критике распространения среди народа

²¹ Шарипова З. Я. Пером и словом. – С. 161.

лживых учений, высмеивании нравственных пороков общества и социальной несправедливости Х. Салихов был не одинок. Наиболее близкими к нему по духу были его земляки и современники Абельманих Каргалы (1782-после 1833) и Шамсетдин Заки-суфи (1825-1865). Кроме территориальной и идейной близости, этих поэтов объединяли такие темы в их творчестве, как пробуждение личности, интерес к мирским делам, критика феодального устройства, обращение к принципу равенства. Особенно близко к «Маджмаг аль-адаб» Х. Салихова по композиции и идейно-тематическому содержанию стоит произведение А.Каргалы «Тарджема-и хаджи Абельманих». Оба сочинения, где авторский текст переплетается с краткими интересными поучительными рассказами, с заимствованными из восточной мусульманской литературы сюжетами, во многом определили становление иносказательного жанра мэсэл (аналог басни), способствовали развитию жанра адаб, увеличению сатирических элементов в литературе. А газели Ш.Заки наиболее созвучны с религиозно-суфийскими сентенциями в лирических стихах Х. Салихова. Заметно влияние «Маджмаг аль-адаб» и на Габдельджаббара Кандалий (1797-1860), который на заре своего творчества также сочинял религиозно-дидактические поэмы.

Мотив нравственного усовершенствования общества, звучавшего в «Маджмаг аль-адаб» был продолжен поэтами-просветителями второй пол. XIX в. М. Акмуллой и М. Уметбаевым. Например, объясняя связь веры с понятием «адаб», Х.Салихов писал:

Әдәбсезлеклә иман бергә турмас.

Әдәб берлә көфер һәм бакый калмас.

...Әдәбдүр, бел, нәтижәи махәббәт

Махәббәтлә булур мәнзур рәхмәт (С. 81).

(С дурным нравом вера не уживется./ С благонаравием неверие не останется вечно./
...Знай, что адаб – итог любви./ С любовью проявится милость).

В стихотворении «Нәсихәтләр» («Наставления») М. Акмулла практически дословно повторяет мысль из «Маджмаг аль-адаба»:

Бишенче кыйммэт нәрсә – әдәб дигән,
Әдәб дигән – мәхәббәткә сәбәб дигән;
Көферлек әдәбледә тормагандай,
Әдәбсездә иман тору гажәб дигән²².

(Пятая ценность, говорят, – адаб./ То, что зовется адабом, способствует любви./ Как не сохранится неверие у благонаправного,/ Так и нелепо будет наличие веры у невежды).

Известно, что к творчеству Х.Салихова обращался также Габдулла Тукай, который использовал размер и рефрен популярного среди учащихся медресе его стихотворения «Душа в теле» и сочинил пародию «Голос с кладбища мюридов».

В третьем параграфе под названием **«Жанровое своеобразие «Маджмаг аль-адаб»** исследуются жанровые особенности и структура «Маджмаг аль-адаб». Трактат, построенный вокруг единой дидактической идеи, состоит из двух глав, каждая из которых разделена на несколько подглав. Подобная организация текста достигается автором за счет популярных на Востоке приемов — ящичной и рамочной композиции. Внутри трактата имеется множество рассказов, которые называются автором по-разному: «хикаят», «китга», «хикаят-и фи-т тамсиль», «кысса». Кроме того, следуя традиции, сложившейся в мусульманской литературе, в начале произведения автор помещает восхваление Всевышнему (таухид) и Пророку (нагът). В трактате нашлось место и для марсии-элегии, написанной в честь Давлетшаха бин Гадельшаха — духовного наставника Х. Салихова.

В рамках трактата Х. Салихов излагает отдельные *адабы* (правила) деяний, относящиеся к этикету и служащие делу нравственного воспитания. Используя многозначность этого понятия, автор назвал свое произведение «Сборником адабов».

Как известно, дидактика была характерна как для арабо-персидской, так и тюркской литературы средневековья. Обращаясь к дидактическому дискурсу,

²² Сибгатуллина Ә. Суфичылык серләре. (Төрки-татар шигъриятендә дини-суфичыл символлар, образлар, атамалар). – Казан: Заман, 1998. – С. 50.

Х. Салихов выступает не в качестве морализатора, докучающего назиданиями, а, скорее, мудрого наставника. Благодаря мягкому повествованию, разнообразию примеров, весомым доводам, грамотному построению содержания трактата, особой методике убеждения его идеи и мысли смогли проникнуть в умы народа и завоевать популярность. Нельзя не отметить, что в процессе создания религиозно-дидактического трактата «Маджмаг аль-адаб» Х. Салихов активно пользовался приемами таких средневековых дидактических жанров, как адаб и *суфийско-дидактическая поэма*. С литературной точки зрения адаб представляет собой особый полудидактический-полубеллетристический жанр, идейная направленность которого состоит в просвещении и воспитании правоверного читателя на основе Корана и хадисов, а важное место отводится различным рассказам, поучительным историям, научным сведениям. Нередко в литературе адаба восточные авторы высмеивали пороки общества, применяя принцип «смеясь, исправлять нравы». Что касается жанра суфийско-дидактической поэмы, то по утверждению Е. Э. Бертельса, он появился в результате слияния дидактической поэмы, возникшей еще в X в., и суфийской рифмованной проповеди, «увязанной с притчами и анекдотами из жизни знаменитых шейхов»²³. Обусловлено появление такого жанра и необходимостью массового распространения суфийской идеологии среди населения. Таким образом, суфийская дидактическая поэма стала средством ознакомления народа с религиозно-этическими ценностями в увлекательной форме.

Поднимаемые в трактате «Маджмаг аль-адаб» проблемы невежества, общественной несправедливости, обличение морального уродства, иллюстрируемые нравоучительными рассказами, указывают на использование автором характерных черт вышеназванных дидактических жанров. Поэтому в отношении «Маджмаг аль-адаб» уместнее использовать термин «религиозно-дидактический трактат», поскольку жанровую форму трактата сам автор

²³ Бертельс Е. Э. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. – [Т. 3]. – М.: Наука, 1965 – С. 73.

определил сам как *рисаля*, а характеристика «религиозно-дидактический» описывает его содержательную сторону.

В четвертом параграфе, именуемом «Художественные особенности трактата «Маджмаг аль-адаб», проанализировано художественное своеобразие. Исследователи описывали язык трактата как «тюрки» или «тюрки местного диалекта». Несмотря на выдержанность призывения в высоком стиле, ориентированность на литературный язык, в трактате много иноязычной лексики и языковых единиц, присущих живой разговорной речи. Последнее объясняется характерной для XIX века тенденцией в татарской и башкирской письменной речи к демократизации и упрощению лексики. Также привлекает внимание характерная афористичность языка произведения. В кратком изречении автору удается сочетать житейскую, философскую и религиозную мудрость:

Дарури булса сәңа әгәр сүз,

Кәрәк микъдары сүзлә, артыгыны өз (С. 90).

(Если тебе необходимо что-то сказать,/ Скажи лишь в нужном количестве, про остальное — молчи.)

Образность повествования присуща всей поэзии Х. Салихова. Не составляет исключения и «Маджмаг аль-адаб». Он изобилует метафорами, гиперболами, сравнениями, символами и иными ассоциативно-образными средствами. В трактате можно встретить как традиционные образы (пророков, суфийские образы), так и оригинальные самобытные образы. В рамках традиционных образов проанализированы примеры трансформации отдельных мотивов, взятых из других источников. Например, для «Маджмаг аль-адаб» заметно творческое влияние поэмы «Пенднаме» знаменитого суфийского поэта Фарид ад-дина Атгара (1145–1221), в которой подробно раскрывается суть тезиса «мирская жизнь обманчива и опасна, подобна красивой змее». Х. Салихов разбивает этот тезис на несколько мотивов, используя каждый из них в отдельном контексте. Так, раскрытие аналогии «мирское — яд змеи» Х. Салихов предлагает в мунаджате, открывающем вторую главу «Маджмага»:

*Әйа, дустлар, килең гыйбрәт алың бу фани гаддәрдән,
Доруры сад һизәр артык, дәхий зәһрә битәр мадан.
Йылан сокган шишәр, үтәр, жиһан сокган үлеб китәр,
Аңа әфсүн әсәр итәр, улынмаз буңа тимәрдән,
Агуны афгыдур сачан аныңда дәфгыдер әсэн,
Һәм андин куртулур качан, куртулган йук бу хунхавордан (С. 56).*

(О, друзья, придите, получите урок от этого бrenного предателя /мирского./ Его вред больше ста тысяч, а его яд хуже змеиногo./ Если ужалит змея, [место укуса] опухнет и пройдет,/ но умрет тот, кого укусит мирское. От него нет действительного заклинания и лечения./ Легко защититься от ядовитой гадюки, которая вокруг распыляет яд./ И спасется от нее тот, кто убежит, однако нет спасшихся от этого кровожадного /мирского./)

Если у персидского поэта мирское подобно яду змеи, и его следует сторониться, то у Х. Салихова мирское опаснее яда в сто тысяч раз и нет от него спасения, кроме смерти. Можно уберечь себя от ядовитой гадюки, которую человек способен увидеть глазами, однако невозможно уберечься от «яда» коварного бrenного мира. Надо заметить, что в этом примере Х. Салихов опускает мотив внешней красоты змеи, который был у Аттара, однако прибегает к нему в другом контексте:

*Замана хакиме охшар йыланга,
Гадәүәт гизләмешләрдәр нәһандә.
Йылан тик ялтырар ир тышдан күрәндә,
Һәлакәтлек касд идәр форсат ирәндә (С. 16).*

(Современный судья походит на змею,/ Скрывает в своих мыслях враждебность,/ Сверкая кожей как змея лишь снаружи,/ Ждет момента, чтобы погубить.)

Таким образом, «старый» мотив обрамляется новым смыслом, новым историческим контекстом и авторским видением. Здесь нельзя не согласиться с утверждением М. Д. Кязимова: «Практически бесконечное варьирование отдельными элементами, модификация сюжетной линии, трактовка образов часто отражали преломление эстетического канона сквозь призму исторической обстановки»²⁴. Это объясняется в том числе и открытостью активного

²⁴ Кязимов М. Д. «Хафт Пейкар» Низами и традиция назире в персоязычной литературе XIV–XVI вв. – С. 20.

компонента для дальнейших варирований мотива, что способствует продуктивному творческому поиску.

Из оригинальных образов можно выделить целый ряд примеров, связанных с медицинской тематикой. Из биографических сведений Х. Салихова известно, что он был поклонником творчества и личности выдающегося философа и врача Авиценны²⁵. Возможно, поэтому автор так часто обращался к теме врачевания:

*Белә шәйхең табиб хазик ул кәс,
Дауайы табгына лайык эчәр бәс.
Әгәр андазасыз эчсә дауайы,
Дауасы булур аңа гәәйн дайы.
Үзенә нә буйурса тота аны,
Әбәд та жисемдән чыккунча жаны (С. 69).*

(Видит он [ученик] своего учителя лекарем искусным,/ И принимает лекарства в соответствии с его лечением./ Если не зная меру, примет лекарство,/ Лечение станет для него болезнью глаз./ Что бы ни приказал учитель, будет выполнять он,/ Пока не выйдет душа из тела.)

Несмотря на ограниченность медицинской тематики определенным количеством образов и ситуаций, Х. Салихов каждый раз разыгрывает их в разных формах и с разными целями. Благодаря художественному мастерству автора примеры получились весьма удачными.

В подпараграфе 1.4.1. описываются «Поэтические особенности языка «Маджмаг аль-адаб». В построении стиха Х. Салихов обращался к популярной системе стихосложения арабского происхождения — *арузу* и написан размером «*хазадж мусаддаса махзуф*» или же «*хазадж мусаддаса максур*». Графически размер выглядит следующим образом: U — — — | U — — — | U — —. Лексика трактата отражает все разнообразие литературного языка 19 века, использовавшегося в Волго-Уральском регионе. Это проявлялось в обильном использовании заимствований из арабского, персидского, османского

²⁵ Шарипова З. Я. Пером и словом. – С. 157.

языков, сочетании тюркских морфологических показателей с нетюркской лексикой, использовании автором как кипчакских, так и огузских слов.

В целом, анализ художественного своеобразия трактата показывает, что Х. Салихова характеризует оригинальный, присущий только ему стиль изложения мыслей, его образы экспрессивны, а примеры информативны, выразительны и наполнены свежим актуальным для своего времени содержанием.

Вторая глава диссертационной работы называется «**Маджмаг аль-адаб**» **Х. Салихова в свете литературных связей мусульманского Востока**». Она состоит из двух параграфов. **Первый параграф** — «**Интертекстуальность восточного типа в “Маджмаг аль-адаб”**». Влияние восточной традиции на тюркскую литературу значительно, оно отражается в поэтике, особенностях стихосложения (аруз), тематике, системе образов, сюжетах и т. д. Поэтому в ходе работы над материалом возникла необходимость обратиться к традициям, которые сложились в арабо-персидской мусульманской литературе и легли в основу общетюркской литературы. На наш взгляд, говоря о литературных взаимосвязях между разными народами, нельзя утверждать о жесткой форме энергичного воздействия одной стороны и пассивного восприятия другой. Несмотря на широкий масштаб влияния культуры и традиций арабо-персидской народов, «принимающая» тюркская сторона всегда оставляла за собой право «фильтрации» проникаемого содержания, что подтверждается теорией А. Н. Веселовского о «встречных течениях»²⁶.

Интертекстуальность в восточной литературе очень значима — благодаря этой концепции можно не только установить конкретные факты проникновения одних текстов в другие, но и установить литературные связи между народами. Кроме того, надо отметить, что книги популярных среди татар и башкир восточных авторов становились для них своеобразным наглядным поэтическим

²⁶ Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. XI–XVII // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. – Т. 4. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1889. – С. 119.

пособием. Х. Салихов в «Маджмаг аль-адабе» также обращался к популярным восточным сочинениям. В ходе анализа нами было установлено, что автор использовал в своем трактате следующие произведения: Священный Коран, сборники хадисов, «Рауда» (предположительно «Раудат ас-сафа» — историческое сочинение иранского историка Мирхонда, 1433–1498), «Китаб ан-Навазиль» Абу-ль-Лейса Самарканди (ум. в 373/983г.), книги ханафитского мазхаба, сборник фетв, «Ихйа-и гулюм ад-дин» («Возрождение религиозных наук») и «Минхадж аль-габидин» («Путь поклоняющихся») Имама аль-Газали (1058–1111); «Танбих аль-гафилин» («Пробуждение беспечных») Факиха Абу Лейс Самарканди (ум. в 983 г.), «Сильсилат аль-гарифин» — житие среднеазиатского шейха Ходжы Убайдуллаха Ахрара (ум. в 895/1490 г.), написанное его учеником и последователем Мевляны Мухаммадом Кази (ум. в 1516 г.), эпико-дидактическая поэма «Месневи» Джалаладдина Руми (1207–1273); «Сабат аль-аджизин» («Стойкость слабых») Суфи Аллахира, Священное Писание Забур и др.

Каждый из перечисленных источников нашел свое отражение в тексте трактата в разном объеме и в разной форме. Наиболее явными формами интертекстуальной связи в трактате Х. Салихова стали цитаты, аллюзии, вольный перевод и переложение. В диссертации приводятся примеры на каждую из указанных форм интертекста. По количеству цитат в «Маджмаг аль-адабе» лидирующее место отводится выдержкам из Корана. Также автор обращается к хадисам Пророка, изречениям и отрывкам из трудов известных ученых. В основном текст самих цитат сопровождается переводом Х. Салихова, который обращается к ним как при разъяснении своих мыслей, так и в качестве их подтверждения. Кроме того, в трактате достаточно много аллюзивных включений, отсылающих к историческим, литературным, мифологическим, кораническим и бытовым фактам. Например, раскрывая мысль «название не влияет на качество», поэт упоминает пророков Йунуса, Йусуфа, Йакуба, Мухаммада, а также имена Искандер, Халид, Асад, Улмэкол и Аллахкол. Называя имена известных личностей, Х. Салихов вызывает у читателя

определенные аналогии, ассоциации, воспоминания, поскольку за каждым аллюзивным именем стоит целая история, образ, традиция.

Относительно перевода включений с арабского и персидского языков стоит отметить, что в трактате он носят довольно вольный характер, что граничит с переложением. Вводимые автором уточнения, описания, детализация помогают читателю проникать в атмосферу обыгрываемой ситуации, представляют картину более реалистичной. Также при переводе иноязычного материала автор часто оставляет исходную лексику. Поэтому одни отрывки трактата отличаются обилием персидской лексики, другие — арабской, третьи — османской, а некоторые фрагменты звучат как настоящая простонародная речь.

Используя метод «назиры» (подражание) распространенного на Ближнем и Среднем Востоке метода художественной интерпретации известного сюжета, Х. Салихов обращается к притче «О том, как поверили в лесть и верность медведя»²⁷ Дж. Руми. Сам Руми, видимо, заимствовал сюжет из «Панчатантры» — известного индийского сборника нравоучительных басен. Схожие мотивы встречаются и в башкирской народной сказке²⁸. Также данный сюжет в качестве популярного рассказа среди татар представлен в хрестоматиях просветителей XIX века С. Кукляшева и М. Иванова. Аналогичный сюжет использовался и в басне «Пустынный и медведь» французского баснописца Жана де Лафонтена (1621–1695). Идея всех перечисленных рассказов и басен сводится к опасности и недальновидности дружбы с глупцом. Сюжет же построен на взаимодействии главного героя с неким глупцом, от рук которого он и погибает. В каждом варианте меняются ситуации и образы, что дает возможность проследить историю одного сюжета, сопоставить его изменяющиеся детали. Сравнивая «оригинал» Руми и рассказ из «Маджмаг аль-

²⁷ Руми Дж. Маснави-йи ма'нави [Поэма о скрытом смысле]. – Второй дафтар. : [пер. с перс.] / Джалал ад-дин Мухаммад Руми; Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. – СПб: Петербургское востоковедение, 2009. – С. 118.

²⁸ Хуббутдинова Н. А. Художественно-эстетическое значение фольклорных традиций в творчестве башкирских писателей XIX в. (на примере произведений Хибатуллы Салихова, Шамсетдина Заки, Акмуллы) // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании; Материалы международной научно-практической конференции «VII Акмуллинские чтения». – Уфа, 2013. – С. 114.

адаба», можно увидеть, как Х. Салихов упростил систему образов и добавил дополнительный эпизод — обращение к судье. Все трансформации рассказа из «Маджмаг аль-адаба» направлены на более реалистичное звучание, а кроме того, автор вводит социальную проблематику, обостряет злободневность и конкретность.

Художественная обработка всех интертекстуальных вpletений, сделанная автором, заслуживает высокой оценки, и они вполне гармонично проникают в текст «Маджмаг аль-адаба» — используется тот же размер, рифмованное представление, что и в основном тексте. Стоит подчеркнуть, что при обращении к литературному опыту писателей предыдущих поколений в трактате остается место новаторству Х. Салихова, демонстрирующему национальные, региональные, историко-общественные реалии своего времени. Такого рода «чужеродные» тексты (в виде рассказа, его части, отдельного высказывания) и отсылки к другим авторам, позволяющие почувствовать приемственность литератур, близость помыслов в разные времена, благодаря узнаваемости для читателей служат средством понимания дидактических сентенций.

Второй параграф второй главы — **«Принцип “побуждения к одобряемому и запрещение порицаемого” в социальных взглядах Х. Салихова»** — посвящен социальным взглядам автора. В первой главе «Маджмаг аль-адаба» автор излагает свои социальные воззрения с опорой на известный религиозный принцип «аль-амр биль-ма'руф ва ан-нахи 'аниль-мункар» («Побуждение к одобряемому и удерживание от порицаемого»). Данный принцип берет свое начало из Корана и упоминается в хадисах досточтимого Пророка. Удерживая от греховных поступков и поощряя совершение благодеяний, ислам предполагает поддержание общественного порядка, контроль за совершением религиозных обязательств со стороны либо специально назначенных людей, либо рядовых граждан мусульманского сообщества. Человека, следящего за исполнением этого принципа, называют мухтасибом.

Предложение использовать данный принцип для решения общественных вопросов представляется новой мыслью для XIX века и показателем прогрессивности системы взглядов поэта. Он не отказывается от средневекового религиозного представления общественной жизни, а изменяет его, предлагая «новое» на основе «знакомого».

Тема увещания и удержания поднималась также в сочинениях «Кимия-и саадат» Абу Х. Газали (1058–1111), «Субат аль-аджизин» Суфи Аллахияра (1644–1721), «Рисаля-и Газиза» Т. Ялчигула (1768–1838), «Рисаля аль-иршад» Г. Кандаля (1797–1860) и многих других. В отличие от вышеназванных авторов, Х. Салихов не остается в рамках увещания и удержания как единичных мер по искоренению проблем, а выходит с утверждением значимости каждого члена общества и способности народа к саморегуляции. Для этих целей автором описываются три составляющих принципа: исправляющий, исправляемый, правила и условия увещания. По мнению Х. Салихова, правильное применение принципа увещания со всеми условиями и требованиями к мухтасибу способно решить проблемы разных уровней: индивидуальные — исправление внутренних духовных качеств каждого отдельного человека, таких как гордыня, невежество, межличностные — гармонизация взаимоотношений между людьми, проявление чуткости друг к другу, снятие социальных статусов и даже глобальные — сдерживание различных бед (засухи, голода, тирании правителей и т. д.).

Прогрессивный взгляд Х. Салихова на общественный порядок и благополучие созвучен современным социальным теориям и требует более тщательного анализа с социологической и философской точек зрения — как в рамках трактата «Маджмаг аль-адаб», так и в масштабах всей мировоззренческой системы самого автора.

В Заключении подведены итоги и сформулированы основные результаты исследования.

Поэзия Хибатуллы Салихова (1794–1867) является неотъемлемой частью литературного наследия татарского и башкирского народов. Сочетание

особенностей средневекового религиозно-суфийского дидактизма и просветительского реализма XIX века — это одно из доказательств переходного характера его творчества.

Влияние поэзии Х. Салихова заметно в творчестве его современников и представителей последующего поколения поэтов Волго-Уральского региона: Ш. Заки (1822–1865), М. Акмуллы (1831–1895), М. Уметбаева (1841–1907), Г. Тукая (1886–1913) и др. В то же время в своем творчестве Х. Салихов опирался на литературные традиции всего мусульманского Востока.

Влияние общетюркской и арабо-мусульманской традиций можно проследить как в тематике и выборе сюжетов рассказов, так и в поэтике, стихотворной форме (аруз), образах и языке «Маджмаг аль-адаба». В ходе исследования установлено, что трактат содержит интертекстуальные включения в виде цитат, аллюзий, вольного перевода и переложений, которые вполне гармонично вплетаются в текст «Маджмаг аль-адаба». Использование Х. Салиховым текстов иных авторов, несомненно, обогатило содержательную сторону трактата, сблизило его с лучшими сочинениями восточных поэтов.

В поэзии Х. Салихова особого внимания заслуживает образность повествования. Трактат изобилует метафорами, гиперболами, сравнениями, символами и иными средствами ассоциативно-образного ряда. При построении образов автор использует множество описательных, сравнительных, метафорических приемов для передачи широкого спектра вложенных в образ функций в максимально полной форме. В «Маджмаг аль-адабе» присутствуют как традиционные (религиозные, суфийские), так и оригинальные светские образы.

Творчество Хибатуллы Салихова остается открытым для новых исследований, ибо в диссертации был проанализирован лишь один из художественных текстов писателя — «Маджмаг аль-адаб», тогда как специального текстологического и литературоведческого изучения ожидают и такие его значимые произведения, как «Дурр аль-калям», «Тухфат аль-авляд».

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Ахмадуллина Л. Я. Жанровое своеобразие трактата «Маджмаг аль-адаб» Хибатуллы Салихова // Мир науки, культуры и образования. – 2015. – № 3 (52). – С. 285–287 (0,3 п. л.).

2. Ахмадуллина Л. Я. Коранический интертекст в сочинении «Маджмаг аль-адаб» Хибатуллы Салихова // Исламоведение. – 2015. – № 3. – С. 63–70 (0,4 п. л.).

3. Ахмадуллина Л. Я. Принцип «Побуждение к одобряемому и запрещение порицаемого» в социальных взглядах Х. Салихова // Проблемы востоковедения. – 2016. – № 2 (72). – С. 92–97 (0,4 п. л.).

4. Ахмадуллина Л. Я. Притча из «Месневи» Дж. Руми в переложении Х. Салихова в «Маджмаг аль-адабе» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7. – Ч. 1. – С. 15–17 (0,3 п. л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях:

5. Ахмадуллина Л. Я. Рассказ о двух глупцах из «Маджмаг аль-адаб» Хибатуллы Салихова : Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблема филологии народов Поволжья». – Выпуск 7. – М., 2013. – С. 35–41 (0,4 п. л.).